

И ЦЕННОСТИ МОЕЙ ЖИЗНИ

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С АЛЕКСАНДРОМ ГЕЛЬМАНОМ

О чем бы ни писал Александр Гельман — он всегда исходил из того, что в любых обстоятельствах у человека всегда большая свобода выбора, чем ему кажется. Каким сегодня видится мир Александру Гельману? Какие проблемы волнуют его? Мы спрашивали — он отвечал.

Победный прыжок накануне смерти Сталина

● Где ваши корни? Какой жизненный опыт дал вам военное и послевоенное время?

● Какие переломные моменты в вашей жизни вы бы отметили?

● Как вы стали писателем и драматургом?

Родился я в еврейской местечковой семье в Бессарабии, которая принадлежала до 1940 года Румынии. Отец был мелким торговцем. Первые семь лет прожил при капитализме. И помню, суя по всему, при капитализме. А посередине был длинный, долгий, занявший почти пятьдесят лет жизни, казался, несомненно социализм. В 1939 году король Карл с королевой Марией и сыном Михаем, обезъяя свое королевство на поезде, проезжал мимо нашей станции Донюшаны. Станция была полна народу. Отец держал меня на руках. Король вышел, принял хлеб-соль, произнес несколько слов, которых я не расслышал. Королева и Михай стояли на площадке. Не дослушав пышное приветствие местного начальника, король пожал несколько ближайших рук и поднялся в вагон. Поезд отходил от станции медленно, медленно, чтобы народ вдоволь помахал руками...

Во время войны я и мои родные попали в гетто вместе с тысячами бессарабских евреев. В моей семье было одиннадцать человек, остались в живых двое: я и отец. После освобождения в сорок четвертом отцу сразу мобилизовали в армию, отправили на фронт. В Донюшаны я вернулся один. Вспоминаю о детстве в гетто сейчас не стану, да и смысла в этом не вижу — уроки той страшной войны остались только на бумаге, в воспоминаниях фронтовиков и узников лагерей и гетто. Общество почти ничего не восприняло, ничему не научилось. Когда в российских городах при большом стечении народа выступал с антисемитскими речами генерал Макашов, и когда все молчали, и парламент молчал, — я испытывал чувство острой, неизбежной горечи. На душе было мерзко. Я вдруг ощутил, что меня предал мой родной русский язык. На русском языке не прозвучали тогда слова такой мощи, такого протеста и негодования, какие должны были, обязаны были прозвучать. Я какое-то время не подошел к компьютеру, не мог писать на языке, который меня предал. Русский язык — это мой друг, самое близкое к этому свету существо, от которого у меня нет тайн, которому я доверяю самое сокровенное. На русском языке я думаю, чувствую, работаю, готовлюсь умереть на этом языке. И вот этот язык промолчал, не пришел в ярот, когда его использовали для того, чтобы меня оскорбить, унижить. В том, что говорили, писали антисемиты, ничего неожиданного для меня не было. Неожиданным было глухое молчание неантисемитов. Всего два-три голоса прозвучали тогда, да и то как-то вскользь, исподтишка...

...В Донюшанах я поселился в доме, где родился. Дом остался в целости. Соседи принесли мебель, подушки, одеяла, которые забрали, когда нас увезли в гетто. Я жил там сначала один, потом вместе с братом отца, который вернулся из другого гетто. Мне уже шел двенадцатый год, а я не умел ни читать, ни писать. Я пришел в школу — на меня посмотрели, повзыхали и определили во второй класс. Собиражал я не плохо, из второго перешел в четвертый, из четвертого в шестой. Кончил семь классов, поступил в профтехшколу трикотажников, откуда меня направили работать на Львовскую чулочную фабрику. Работал помощником мастера по ремонту чулочных автоматов, в вечерней школе окончил 10-й класс. У меня была девушка, я боялся, что меня заберут в армию и с ней придется расстаться — я поступил в Львовское пехотное училище имени Шорса. Девушка впоследствии вышла замуж за выпускника нашего училища. Но я уже оказался кадровым военным.

Начальник училища генерал-майор Орлов издал приказ: кто не прыгает через «коня», тот не идет в увольнение. Это спортивный снаряд стоял у КПП — каждый курсант, получивший увольнительную, должен был предварительно под наблюдением дежурного по училищу перепрыгнуть через «коня». А у меня были проблемы с этим прыжком. Я попал в группу неприпрыгающих. Таких, как я, оказалось человек девять из всего училища. Нам назначили инструкторов — хорошо прыгающих курсан-

тов и сержантов. Каждый из них имел свою методику. Один считал, что главное — разбег. Другой, что самое главное — толчок. Меня выучил — никогда его не забуду — ярко-рыжий младший сержант. Он сказал: «Ты посиди на коне, обними его, полежи на нем. Опрокинь его на землю. Главное — не бойся его!» Я так и сделал. После недели интенсивной физической близости с «конем», я его одолел. Я перепрыгнул через «коня» вечером, а на следующий день умер Сталин. Я тогда еще ничего не знал о его преступлениях, поэтому испытывал определенную неловкость: все вокруг опечалены, в трауре, а у меня победа, радость — перепрыгнул через «коня». В ближайшую субботу пойду в увольнение, увижу мою любовь (тогда она еще не вышла замуж). Помню, мы пришли на лекцию по огневой подготовке, в аудиторию вошел преподаватель — невысокий худощавый полковник, по национальности татарин. Он сел к столу, заплакал и проплакал все два часа без перерыва. А я в это время думал о том, что перед обедом будет минут пятнадцать свободного времени — надо сбегать на спортплощадку и закрепить свой победоносный прыжок. Смерть Сталина не могла заглушить мою радость по случаю победы над «конем». Но виду я, конечно, не подал — напустил на себя суровую хмурость, ни с кем своими чувствами не делился.

Командующий нашим Прикарпатским военным округом маршал Конев был увлечен внедрением в войска округа нового «прикарпатского» строевого шага. При обычном строевом шаге, описанном в строевом уставе, вперед одновременно выбрасываются правая нога

млетрясение, восемь баллов, — земля буквально лопалась под ногами, образуя полуметровые трещины, через которые я с моими солдатами, спасаясь, перепрыгивали, как через траншеи... В шестидесятом году во время хрущевского сокращения Вооруженных сил СССР в чине капитана я распрощался с Камчаткой и с армией.

В Кишиневе пошел на завод, работал три года фрезеровщиком. Потом судьба забросила меня в Кириши (Ленинградская область), где я три года — с нуля до пуска первой очереди — проработал на строительстве Киришского нефтеперерабатывающего завода.

А на писателя я не учился. Всегда хотел писать, писал понемногу, что-то публиковал. Несколько лет проработал журналистом в ленинградских газетах «Строительный рабочий», «Смена». А профессиональным литератором стал неожиданно. Началось все с того, что я оказался в Питере, разошелся с одной женой, женился на другой, денег на жизнь не хватало. Образовалась приличная долг. И была только одна возможность получить сразу значительную сумму — писать для кино. Мы с женой, Татьяной Калещкой, написали заявку на сценарий, отнесли на «Ленфильм». Заявку приняли, выдали по тем временам шикарный аванс — полторы тысячи. Потом приняли и сценарий, в 1970 году сняли фильм «Ночная смена»...

Так вот, при сочинении того первого сценария обнаружилось, что я умею выстраивать острый напряженный сюжет, резко, неожиданно поворачивать действие, обрисовывать человеческие характеры. Оказалось, что я обладаю способностью, совершенно обязательной для драматурга — властно управлять вниманием читателей, зрителей. Я открыл эту способность совершенно для себя неожиданно. Но, обнаружив, отнесся к ней внимательно, стал ее совершенствовать. Пристально читал Шекспира, Гоголя, Сухово-Кобылина, Дюренматта — это мои учителя.

Я был польщен, когда Товстоногов, прочитав сценарий фильма «Премия», сказал мне, что он давно не читал такое совершенное

выносимая несвобода, которую установили коммунисты.

Но как только исчезли цензура и социализм, который зжидился на цензуре, общественные процессы, общественные отношения, общественные связи стали быстро усложняться. Исчезла былая ясность, прозрачность всего происходящего. Резко усложнились взаимозависимости между людьми и организациями. Сегодня приходится учитывать множество факторов, факторов, обстоятельств, надо считаться с противоречивыми явлениями, с противоречивыми личностями.

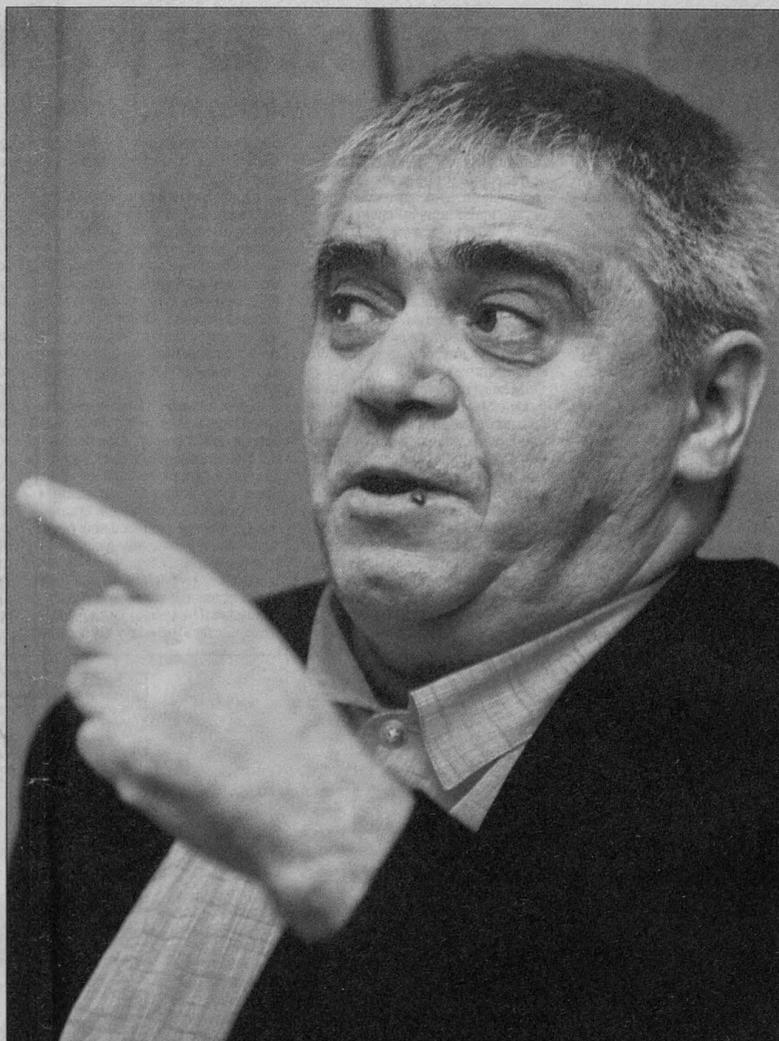
Нарастающая сложность — основная черта современной действительности. Как жить в неодолимо сложном, запутанном мире — это сегодня главная проблема обычных граждан, политиков, целых народов. Большинство людей сложностью пугает, настаивает, вызывает разного рода подозрения, недоброе. Люди негодуют против нарастающей сложности жизни, стараются вырваться из сложных обстоятельств, из сложных коллизий. Мы наблюдаем в последние годы явление, которое я называю — грех упрощения.

Грех упрощения пронизывает сегодня все общество. Наверху «работают» упрощенные представления о том, что происходит внизу, внизу популярны упрощенные воззрения на то, что происходит наверху. Упрощенные представления о советской экономике, о положении в разных отраслях промышленности в свое время были положены в основу «шоковой терапии», ваучерной приватизации, налоговой политики. Это привело к тяжелым последствиям. Чеченская война началась и длится столько лет главным образом из-за неадекватного, упрощенного понимания враждующими сторонами друг друга. Руководство Чечни, и прежде всего генерал Дудаев, не понимали того, что после распада союзов и СССР Россия по меньшей мере в течение пятидесяти лет никому больше не позволит отсоединяться, отделяться, а ельцинская команда не отдала себе отчета в мощи реального сопротивления чеченских сепаратистов.

Почему столько лет не удаётся устранить руководителей чеченских боевиков? Главная причина — им помогают скрываться люди, они пользуются у значительной части чеченского народа сочувствием.

Преодоление упрощенных, схематичных воззрений на чеченский конфликт — думаю, самая трудная проблема администрации президента Путина. Сегодня, как мне кажется, в Кремле нет достаточно ясного представления о том, что общество в целом не может развиваться демократически, если в одной его части в течение многих лет будет проводиться последовательно жесткая политика, рассчитанная исключительно на беспощадное военное подавление. Или во всем обществе восторжествует тоталитарный режим, и тогда чеченские сепаратисты будут жестоко подавлены, как было при советской власти подавлено среднеазиатское сопротивление басмачей, или, если демократическое развитие страны получит дальнейшее развитие, придется наряду с военным преследованием боевиков вести переговоры с лидерами сепаратистов, добиваясь взаимоприемлемых компромиссных соглашений.

Грех упрощения сильно навредил нашим СМИ. Перед парламентарскими и президентскими выборами почти все газеты, телеканалы, радиостанции заняли упрощенно-примитивные ангажированные позиции — обманывали, подсаживали, фальсифицировали, клеветали. В результате произошла тотальная утрата доверия общества к СМИ. Фактически это лишило доверия народа российский интеллигенция. Из-за этого, на мой взгляд, непомерно возросло влияние религиозных институтов, включая разного рода секты, сообщество мистиков, колдунов. Значего мы хотим. Их власть держалась на цензуре, которую ненавидели все нормальные образованные люди. Я имею в виду не только цензуру текстов, а цензуру всей жизни. Цензура, собственно, и свергла советскую власть. Как только была отменена цензура, сразу распался союз, а вслед и СССР. Виноваты не Горбачев и не Ельцин — во всем виновата свобода. А еще точнее — виновата та не-



Досье

Писатель, драматург и сценарист Александр Гельман — автор пьес и киносценариев «Обратная связь», «Мы, нижеподписавшиеся...», «Ксения, любимая жена Федора» (совместно с Татьяной Калещкой), «Наедине со всеми», «Скамейка», «Зинуля» и многих других — стал знаменит после выхода на экраны в 1975 году фильма «Премия». Эта кинолента была восторженно встречена зрителем и прессой, удостоена Государственной премии СССР, с успехом прошла по экранам многих стран и породила множество дискуссий на разных общественных уровнях.

Во всем виновата свобода



История отвратительна, а жизнь прекрасна

и левая рука, левая нога и правая рука. При «прикарпатском» шаге руки и ноги должны были двигаться в противоположные стороны: правая нога вперед — левая рука назад, левая нога вперед — правая рука назад. Полугоном испытания «прикарпатского» шага стало наше училище. Конев я видел раз двадцать. Он приезжал, смотрел. С ним всегда был полковник, который демонстрировал образцовый «прикарпатский» строевой шаг. Жители Львова впервые увидели новый строевой шаг во всей его отечественной красе на военном параде 7 ноября 1953 года. Надо заметить, что если с «конем» у меня были проблемы, то «прикарпатский» шаг мне дался сразу, буквально с первой тренировки. Я так прочно усвоил этот уникальный вид шапки, что могу хотеть завтра пройти «прикарпатским» строевым шагом через всю Красную площадь...

После училища служил три года в береговой обороне Черноморского флота в Севастополе. Был свидетелем трагедии линкора «Норвортский», помню мрак, который воцарился в Севастополе после взрыва, причины которого до сих пор не установлены. Наш полк участвовал в тайных ночных походах погибших моряков. Потом меня перевели на Камчатскую военную флотилию. Там, не то в пятьдесят восьмом, не то в пятидесятом девятом, я пережил жуткое зем-

драматургическое произведение. И через месяц начал репетировать, не вымарав, не изменив ни одной реплики. Мне везло. Еще не вышел фильм, еще Товстоногов репетировал, когда позвонил Олег Ефремов, сказал, что МХАТ берет пьесу и он будет не только ставить, но и играть главную роль. Ефремов поставил семь моих пьес; за десять дней до того, как он умер, мы обсуждали мою новую пьесу, которую он собирался поставить в этом сезоне...

Грех упрощения

● Что в состоянии сегодняшнего общества вас больше всего тревожит?

● От чего вы предостерегли и что посоветовали бы хозяину Кремля?

Мы жили в очень простом обществе: были «они» и были «мы». Мы знали, чего они хотят, они знали, чего мы хотим. Их власть держалась на цензуре, которую ненавидели все нормальные образованные люди. Я имею в виду не только цензуру текстов, а цензуру всей жизни. Цензура, собственно, и свергла советскую власть. Как только была отменена цензура, сразу распался союз, а вслед и СССР. Виноваты не Горбачев и не Ельцин — во всем виновата свобода. А еще точнее — виновата та не-

довольно сложной ситуации, сложившейся после страшной трагедии в США, президенту Путину удалось выстроить разумную, совсем не простую, но вместе с тем достаточно внятную политическую линию, в которой толково увязаны наши национальные интересы и интересы международного сообщества. Надо сказать, что эта линия сейчас подвергается если не ударам, то чувствительным уколам и справа, и слева, особенно слева — выражая сомнения в оправданности сближения России и США, коммунисты пытаются лишить Путина ореола подлинного патриота.

Откуда мы и куда идем?

● Что в производственных реалиях современной России вызывает у вас наибольший интерес?

● Возможен ли возврат российского общества к тоталитаризму?

● Мир сегодня в состоянии нестабильности. Что может послужить началом позитивных перемен?

...В последние месяцы мне довелось побывать в нескольких городах Ханты-Мансийского автономного округа, на сибирской родине «ЛУКОЙЛа» — Урай, Когалым, Лангас, Покачи... Это города нефтяников — красивые, благоустроенные города, в которых люди в основном довольны своей жизнью. Я вспомнил там, как лет пятнадцать назад мой товарищ, давно проживающий в Лос-Анджелесе, когда вез меня из аэропорта, объяснял, что такое общество равных возможностей. «Вот эта машина, — он показал на шикарный автомобиль, едущий впереди нас, — стоит сто тысяч долларов. А мой драндулет — три тысячи. Тридцать три тысячи машин, как моя, можно купить за одну такую машину, как его. Но при этом мы едем по одной и той же дороге, на одной и той же скорости и придем в город в одно и то же время. Поэтому, несмотря на такую огромную разницу между нашими машинами, я ему не завидую, а он не смотрит на меня свысока». Нечто подобное, но только в самом зачаточном виде, я наблюдал в Когалыме. Зарабатывают

здесь далеко не одинаково, но даже у кого заработки средние или ниже средних, имеют возможность предметы первой необходимости на том же примерно уровне, что и так называемые богатые. Не знаю, как на банковских счетах или в чулках, но в карманах, в кошельках на повседневные расходы, на то, чтобы раз в году съездить в отпуск, деньги у людей есть. В качестве повседневных потребителей первичного набора благ когалымчане чувствуют себя равными, и это образует спокойную, доброжелательную атмосферу в магазинах, на улицах, в аэропорту.

Еще одно производственное наблюдение последнего времени. Сейчас появились десятки, сотни предпринимателей, которые имеют подчиненных, но не имеют над собой начальников. Раньше таких не было. Над каждым кто-то был — партком, райком и так далее. А теперь никого. Но приходится принимать самостоятельно очень ответственные решения, от которых зависит судьба целых коллективов. В том же «ЛУКОЙЛе» сегодня трудятся двести тысяч человек. Я думаю, эта высокая персональная ответственность делает многих предпринимателей верующими. Они ощущают потребность в поддержке горных сил, в благословении своих действий. Поэтому они посещают церкви, мечети, синагоги, жертвуют деньги на богоугодные дела, стараются быть поближе к тем, кто по своему положению в церковной иерархии ближе к Всевышнему.

Основными кормильцами народа уже стали негосударственные предприятия — акционерные общества, компании, фирмы. От руководителей этих негосударственных организаций сегодня зависит благополучие миллионов людей. Это другая страна, и эту новую страну очень поверхностно сегодня знают журналисты, писатели. Мы застряли, заикнулись на политических партиях, их актерствующие лидеры, на борьбе политических партий, на сущности интересах. В Когалыме в начале девяностых годов активная политическая борьба была активной парторганизация большевиков, проводились забастовки, акции протеста.

Сегодня там можно насчитать с десятком коммунистов да пять «яблочников» — это весь партийный расклад. Такая закономерность просматривается почти во всех городах Ханты-Мансийского округа: по мере улучшения жизни партийные страсти гаснут, партийные лидеры блекнут. Главными героями сибирических городов сегодня являются предприниматели, руководители крупных негосударственных предприятий, мэры городов. Высоко ценятся и высоко оплачиваются первоклассные профессионалы в каждом деле. Разного рода хитрованы, наглеты, пройоходы, выскочки исчезают, испаряются. Уровень профессионализма и уровень интеллекта все чаще определяют социальную нишу, которую занимает

человек. Это говорит о том, что общество выздоравливает. Не надо забывать, откуда пришла свобода. Она пришла сверху, от генерального секретаря той самой партии, которая семьдесят лет внедряла несвободу. Кто такой Горбачев? Теперь совершенно ясно — он представлял оппозицию внутри КПСС, скрытую, нерешительную, колеблющуюся, соглашательскую, выжидающую удобный момент, удобный случай, но тем не менее оппозицию, если называть вещи своими именами. И именно она, эта осторожная, скрытная оппозиция, а не главные открытые враги советского режима — диссиденты, дала первый и, по существу, решающий толчок реальной свободе. Кто такой Ельцин? Это оппозиция внутри перестройочного движения, недавний соратник Горбачева, перешедший на более радикальные позиции. Это тоже была поначалу колеблющаяся, неуверенная в себе оппозиция. Но именно эта оппозиция приходит к власти, а не открытые враги Горбачева, устроившие путч. Кто такой Путин? То же самое — это внутренняя, очень осторожная, скрытая, поначалу едва проявляющаяся, но явно нарастающая оппозиция по отношению к Ельцину. Но опять-таки побеждает она. А не открытые непримиримые противники Ельцина: Зюганов, Явлинский или Примаков с Лукочевым. Таким образом, мы видим: три раза подряд одерживают победу не прямые, открытые противники действующего режима, а внутренняя, скрытая, осторожная оппозиция. И, надо сказать, этот политический феномен, поражающий каждый раз своей неожиданностью, в течение вот уже шестнадцати лет, несмотря на допущенные ошибки, несурзности и даже полные провалы в политике, в сложных условиях перехода общества в новое состояние обеспечил достаточно преемственность и устойчивость демократической направленности движения страны. Реставрации тоталитаризма не произошло. Возникает вопрос: сработает ли эта обнаруженная мной закономерность и в следующий раз, когда истекет два срока путинского президентства? Сейчас можно только задать этот вопрос, отвечать на него еще рано.

Я давно вынашиваю один, так сказать, международный проект. На мой взгляд, главная проблема международной жизни — как устранить взаимное недоверие между разными странами, особенно между странами-противниками или соперниками. Для примера возьмем Россию и Соединенные Штаты — как добиться между нами надежного долговременного взаимного доверия? Я предлагаю сделать следующее: в один и тот же день, после внесения соответствующих поправок в наши конституции, американцы выбирают своего американского вице-президента России, а мы выбираем своего, российского вице-президента США. Избранные господа вице-президенты — наш у них, их у нас — присутствуют в один и тот же день в своих обязанностях в качестве членов высшего руководства наших стран. Для них открыт доступ к любой информации в стране пребывания, никаких секретов, никаких военных и государственных тайн. После такого конституционно узаконенного перекрестного политического демарша, я уверен, начнется поистине новая эпоха в отношениях двух великих народов. Я не специалист в области международного права, поэтому не могу себе позволить более подробно развивать эту идею, но в одном я уверен: для разрешения современных международных проблем нужно искать и находить оригинальные, нестандартные подходы.

Плоско подготовил Илья МЕДОВОЙ Фото Сергея ЗОНИЧЕВА



Дорогие читатели! Ждем вас на традиционной выставке «Пресса-2002», которая проводится в 69-м павильоне ВВЦ с 24 по 29 октября

На стенде «Общей газеты»

L22

вас ждет:

льготная подписка, беспроигрышная лотерея для подписчиков «ОГ» на 2002 год (подписавшихся на стенде или предъявивших подписной купон), возможность приобрести книгу «Сто дней одного века», выпущенную «ОГ» и ставшую лауреатом конкурса «Золотой гонг» в номинации «Журналистская акция года»